

ВСЕВОЛОД
ОВЧИННИКОВ

ДВА ЛИЦА ВОСТОКА

Впечатления и размышления
от одиннадцати лет работы
в Китае и семи лет
в Японии

Всеволод Владимирович Овчинников
Два лица Востока. Впечатления
и размышления от
одиннадцати лет работы в
Китае и семи лет в Японии
Серия «Размышления странника.
Лучшее от Всеволода Овчинникова»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6184251

*Два лица Востока : впечатления и размышления от одиннадцати лет
работы в Китае и семи лет в Японии: АСТ;
ISBN 978-5-17-110788-8*

Аннотация

Книга «Два лица Востока» двадцать вторая книга автора, в которой он рассказывает читателям о том, как наши дальневосточные соседи – Китай и Япония – сумели совершить рывок на лидирующие позиции в мире, сохранив свою национальную самобытность.

Постичь грамматику жизни зарубежного народа, чтобы создать путеводитель по его душе, – это творческий замысел автора, который он блестяще воплощает в жизнь.

Священный долг журналиста-международника – вооружать соотечественников правильной методикой познания зарубежной действительности, умением смотреть на мир без предвзятости.

Автор видит свою задачу в том, чтобы тянуть вверх планку духовных запросов, стремиться к тому, чтобы благодаря его книгам люди становились зорче и мудрее, просвещеннее и добрее, а главное – терпимее по отношению к другим народам.

Содержание

От автора	7
Часть первая	11
Пекин пятидесятых	11
Роковое купание лидеров	14
«Подмосковные вечера» – гимн дружбы	16
Братья навек	18
Перенимали и совершенствовались	19
От догматизма к прагматизму	21
Три рубежа	23
Как победить бедность	25
Покинуть земледелие, не уходя из села	25
Проект «Надежда»	28
Полтора миллиарда «человеко-ртов»	31
Как прокормить пятую часть человечества, имея лишь 7 % мировой пашни, – самая сложная проблема для самой населенной страны мира	31
Сможет ли Поднебесная прокормить себя?	33
Улучшать рацион за счет «приварка»	34
В Китае – дефицит невест	38
Негативные последствия ограничения рождаемости	38
Стареет рабочая сила	40

Между тем	42
Спрос – стимулятор роста	43
Четыре удвоения	43
Возможно ли подобие «потерянного десятилетия»?	45
Инвестиции в инфраструктуру	47
Электромобиль на автостраде	50
Примечательные черты моторизации Китая	50
Первый китайский грузовик	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Всеволод Владимирович
Овчинников
Два лица Востока:
впечатления и
размышления от
одиннадцати лет работы в
Китае и семи лет в Японии**

© В. В. Овчинников, 2018

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

От автора

Ключ к познанию зарубежной действительности

Мой жизненный и творческий путь – это более шестидесяти лет в журналистике, сорок из которых (1951–1991 гг.) я проработал в «Правде». Молодежи порой кажется, что мне не повезло. Мол, лучшие годы жизни пришлось плясать под дудку агитпропа... Между тем дело обстоит не так. Мы, полтора десятка ведущих советских журналистов-международников, были в те годы столь же востребованы и популярны, как нынче звезды шоу-бизнеса. Слова Евгения Евтушенко: «Поэт в России – больше, чем поэт», мы экстраполировали применительно к нашей профессии. Мы считали священным долгом вооружать соотечественников правильной методикой познания зарубежной действительности, умением смотреть на мир без предвзятости.

Мы видели свою задачу в том, чтобы тянуть вверх планку духовных запросов людей, стремиться к тому, чтобы благодаря нашим публикациям они становились зорче и мудрее, просвещеннее и добрее. А тем коконом, который защищал нас от цензуры и обеспечивал нашу творческую независимость в советские времена, была наша профессиональная компетентность.

В 50-х годах я семь лет был собственным корреспондентом «Правды» в Китае, в 60-х – семь лет в Японии, в 70-х – пять лет в Англии. А потом к газетным публикациям добавилось телевидение. Тринадцать лет я вел популярную воскресную телепрограмму «Международная панорама».

Мы, ведущие журналисты-международники советских лет, старались убедить соотечественников, что нельзя мерить иностранцев на свой аршин, что у каждого народа свои стереотипы поведения, системы ценностей, как бы своя грамматика жизни, которая и служит ключом к познанию зарубежной действительности.

Именно грамматику жизни можно назвать стержнем того, что мы именуем национальным менталитетом. И если моим коллегам – зарубежным журналистам в Китае и Японии больше всего мешал языковой барьер, то мне там больше всего помогал языковой мост.

Став после работы в Пекине и Токио редактором «Правды» по отделу развивающихся стран, я много ездил по Азии и Африке. Однажды, будучи в Иране, я попал в «город роз и соловьев» – Шираз. Там у могилы древнеперсидского классика Хафиза всегда сидит старец с томом его стихов. Тот, кто наугад раскроет эту книгу, получает как бы от Хафиза напутствие в жизни. Я сделал это с бьющимся сердцем, и вот что прочел мне седобородый прорицатель: «Воспевать красоту звездного неба вправе лишь поэт, постигший законы астрономии».

Признаюсь, что до меня не сразу дошел глубокий смысл напутствия. Выходит, что читатель должен не только увидеть то, что в свое время видел журналист, почувствовать то, что он тогда чувствовал. Ему должна раскрыться подспудная суть событий.

Постичь грамматику жизни зарубежного народа, чтобы создать путеводитель по его душе, – этот творческий замысел, навеянный напутствием Хафиза, мне потом довелось воплотить в книге «Ветка сакуры». Опубликованная в 1970 году в журнале «Новый мир», она имела неожиданный резонанс. По словам Константина Симонова, «Ветка сакуры» стала для советского общества таким же глотком свежего воздуха, как песни Окуджавы.

Неудивительно, что такой успех вызвал интерес и к другим моим работам. В советские годы мои книги разошлись общим тиражом более семи миллионов экземпляров. Первая из них – «Путешествие в Тибет» вышла в свет в 1956 году, когда я первым из моих соотечественников побывал в загадочной Шамбале. А двадцать первая книга – «Размышления странника» была опубликована в 2011 году, то есть 55 лет спустя.

Такое творческое долголетие было бы невозможно, если бы правдиста с сорокалетним стажем, который после краха советской власти оказался на обочине истории, не приняла в свои ряды «Российская газета». Она начала публиковать мои репортажи из Китая в 1994 году. И до сих пор предо-

ставляет мне постоянную рубрику «Час с Овчинниковым» в своем многотиражном приложении «Российская неделя». Полагаю, что мое творческое кредо как в советские, так и в постсоветские годы остается неизменным. В том смысле, что я стремлюсь описывать жизнь зарубежных стран не только с точки зрения экономических, политических и социальных проблем, но и видеть за всем этим душу народа, его грамматику жизни.

И в этой, двадцать второй моей книге я хочу рассказать читателям о том, как наши дальневосточные соседи – Китай и Япония – сумели осуществить «модернизацию без вестернизации». То есть совершить рывок на лидирующие позиции в мире, сохранив свою национальную самобытность.

Часть первая

Тысячелетия и годы

Пекин пятидесятых

В марте 1953 года я сошел с поезда Москва – Пекин, чтобы на семь предстоящих лет стать собственным корреспондентом «Правды» в КНР. В свои 27 лет я был тогда самым молодым советским журналистом, командированным на постоянную работу за рубеж.

Старое здание Пекинского вокзала находилось напротив южных городских ворот, за которыми расположены площадь Тяньаньмэнь и Императорский дворец. Не меньше, чем древние постройки, меня удивили потоки велосипедистов и рикш при полном отсутствии других видов транспорта.

Наши соотечественники ездили тогда на советских «победах» с китайскими водителями. Самим садиться за руль запрещалось. После победы революции в КНР был принят закон, по которому иностранец, сбивший китайца, должен был пожизненно выплачивать пособие не только ему, но и его детям до совершеннолетия.

Единственным видом общественного транспорта в Пеки-

не были трехколесные велорикши. Но пользоваться ими нам тоже запрещалось по морально-этическим соображениям. Это особенно огорчало наших жен. Отправляясь за покупками, им приходилось шагать пешком многие километры.

Столичная жизнь в Пекине носила тогда как бы камерный, почти семейный характер. В 50-х годах в КНР были аккредитованы 12 иностранных послов и 15 зарубежных журналистов.

Поэтому нас наряду с дипломатами приглашали на все государственные банкеты. Мы сидели буквально в нескольких метрах от главного стола, где Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай чокались с Неру или Сукарно, с Ким Ир Сенгом или Хо Ши Мином.

Во время моей работы в Пекине впервые с тридцатых годов собрался съезд компартии Китая. Прилетела советская делегация. И мне надо было ежедневно давать подробные отчеты о всех заседаниях.

В завершающий день работы съезда в комнату иностранных журналистов неожиданно вошел Мао Цзэдун и спросил: «Кто тут из «Правды»?» Дрожащим голосом я назвал себя и удостоился личного рукопожатия «великого кормчего»: «Потрудился так потрудился! Освещал съезд хорошо!»

После этих слов председателя Мао моя жизнь круто изменилась. Вместо фанзы с земляными полами и дымными буржуйками корпункт переселили в квартиру для дипкорпуса с центральным отоплением. А при поездках по стране мне уже

не требовалось согласовывать их маршрут с отделом печати МИД КНР.

Председатель Мао навсегда запомнился мне необычайно высоким для китайца ростом и устремленным куда-то вдаль взглядом. Когда же меня познакомили в кулуарах съезда с новым Генеральным секретарем ЦК КПК Дэн Сяопином, меня, напротив, поразило его малый рост. Ведь одно дело, когда видишь человека в президиуме, а другое – когда сталкиваешься с ним лицом к лицу.

Партийная кличка генсека – Сяопин, то есть «маленькая бутылка», воспринималась в Китае как метафора, аналогичная нашему термину «ванька-встанька». Маленькая бутылка – это пузырек самогона, который нельзя завалить на бок. Ведь он тут же вновь принимает вертикальное положение. Как Дэн Сяопин, которого трижды сбрасывали с вершины пирамиды власти, но он вновь на нее возвращался.

Первая трещина в китайско-советских отношениях появилась после XX съезда КПСС. По мнению Мао Цзэдуна, Н.С. Хрущев был не вправе выступать с резкой критикой Сталина, не посоветовавшись с международным коммунистическим движением.

После успешного завершения первой пятилетки, которая осуществлялась на основе советского опыта и при содействии наших специалистов, «великий кормчий» прибег к авантюристической тактике «большого скачка». (Тогдашний лозунг: «Три года горького труда – десять тысяч лет сча-

стья».) Чтобы первыми «запрыгнуть» в коммунизм, китайских крестьян заставили не только коллективно трудиться, но и есть из общего котла.

Под лозунгом «Обгоним Англию!» стали варить сталь чуть ли не в каждом дворе. А я с китайскими коллегами из «Жэньминь жибао» неделю таскал на коромысле корзины с землей, помогая строить близ Пекина Шисаньлинское водохранилище. «Прыжок в коммунизм» закончился бедствием для страны и народа.

Причину провала стали искать в международной обстановке. В Пекине словно забыли, что именно Чжоу Эньлай и Неру в свое время провозгласили пять принципов мирного сосуществования, сделали их политической платформой неприсоединившихся стран. Китайское руководство стало обвинять Хрущева в ревизионизме за его стремление снизить накал «холодной войны», сделать мирное сосуществование стержнем внешней политики социалистических государств.

Роковое купание лидеров

Самая драматическая коллизия возникла в связи с этим накануне десятилетия КНР. В сентябре 1959 года Хрущев должен был совершить поездку по Соединенным Штатам. А к 1 октября прямо оттуда прилететь на празднование в Пекин. Меня включили в рабочую группу по составлению его

речи на юбилейной сессии Всекитайского собрания народных представителей.

Незадолго до визита Никиты Сергеевича за океан на китайско-индийской границе вспыхнули вооруженные столкновения. Дабы оградить советского лидера от нежелательных расспросов, было опубликовано заявление ТАСС. В нем выражались сожаление по поводу конфликта и надежда, что стороны решат спор за столом переговоров. Такая позиция Москвы вызвала негодование в Пекине. Как, мол, можно ставить на одну доску братскую страну социализма и капиталистическое государство!

И вот в самый разгар пресловутых «десяти дней, которые потрясли Америку», китайское руководство неожиданно перенесло начало юбилейных торжеств с 1 октября на 26 сентября. Это поставило Хрущева перед нелегким выбором: либо скомкать свой триумфальный американский визит, либо поручить выступить на юбилее КНР кому-то другому. Он предпочел второе.

Доклад, в подготовке текста которого мне довелось участвовать, зачитал М.А. Суслов. Хрущев же прилетел лишь 30 сентября. На другой день демонстранты все-таки увидели его на трибуне ворот Тяньаньмэнь.

После праздничных торжеств Мао пригласил советского гостя в свою резиденцию близ столицы. Там Хрущева ждал конфуз. Хозяин встретил его в бассейне и предложил присоединиться. Но беда была в том, что Никита Сергеевич не

умел плавать. В своих черных сатиновых трусах до колен он, как и на отдыхе в Пицунде, мог зайти в воду лишь до пояса и несколько раз присесть, дабы окунуться. Можно представить себе, как неуклюже выглядел гость на фоне хозяина, способного пересечь километровую ширь Янцзы!

Хрущев был настолько взбешен, что в тот же вечер объявил: он отменяет тщательно подготовленную нами недельную поездку по Китаю и намерен немедленно возвращаться на родину.

Думаю, что причинами размолвки между Пекином и Москвой, которая привела к тридцатилетней конфронтации и даже к боям на острове Даманский, были не только идеологические разногласия, но и личная неприязнь двух лидеров. Это чувство у Хрущева усиливали воспоминания о своей беспомощной фигуре в длинных сатиновых трусах, когда он барахтался в бассейне рядом с «великим кормчим».

«Подмосковные вечера» – гимн дружбы

К счастью, я не был свидетелем бесчинств «культурной революции» (уехал из Пекина на пару лет раньше). Но после смерти Мао Цзэдуна и отставки Хрущева Пекин и Москва стали делать осторожные шаги навстречу друг другу. И вот в 1984 году в КНР были приглашены председатель Общества советско-китайской дружбы академик Тихвинский и я, как его тогдашний заместитель.

Уверен, что в наш маршрут отнюдь не случайно была включена родина Конфуция. Показывая нам гранитное надгробье великого философа, расколотое кувалдами хунвейбинов, один из руководителей провинции Шаньдун сказал:

– Ничто так не нарушало национальные традиции Китая, как надругательство над нашим прошлым. Ничто так не противоречило здравому смыслу, как ссора Мао Цзэдуна и Хрущева. Пусть же все это останется позади!

В Пекине стала незабываемой встреча в одном из рабочих клубов. После наших речей зазвучала песня «Подмосковные вечера». Весь зал дружно встал и подхватил любимую мелодию. Люди пели куплет за куплетом со слезами на глазах. Пели как гимн, искренне радуясь тому, что трагическая размолвка между Пекином и Москвой наконец уходит в прошлое, что можно вновь открыто выражать дружеские чувства к братскому соседнему народу.

Братья навек

Чжунго, или Срединное царство, как называют свою родину китайцы, пожалуй, единственное в мире государство, чья древность непосредственно смыкается с современностью. Причем ключевая характеристика страны – не только непрерывность ее пятитысячелетней истории, но и незыблемое уважение к ней. Жители Поднебесной убеждены, что камни прошлого – это ступени в будущее.

Конфуцианство воспитало у них умение чтить старину и почитать старших.

Когда-то китайцы во многом опережали другие народы. Они первыми дали человечеству компас, бумагу, книгопечатание, порох. Жители Поднебесной привыкли считать ее центром мира, а на другие народы взирать как на варваров, от которых лучше отгородиться Великой стеной.

Этот наивный эгоцентризм и изоляционизм сыграли роковую роль в XIX веке. Англия, недовольная тем, что Китай продает ей все больше чая и шелка, но игнорирует британские сукна и другие товары, принялась выращивать в Индии опиум и превращать китайцев в наркоманов. А когда власти одной из китайских провинций сожгли 25 тысяч ящиков опиума, британский флот нанес удар по прибрежным городам. В 1842 году Китай потерпел унижительное поражение в «опиумной войне», что привело к превращению его в полу-

КОЛОНИЮ.

В Шанхае, Кантоне, Тяньцзине появились иностранные сеттльменты, где англичане, французы, немцы, японцы были неподвластны местным законам. В напоминание о тех временах шанхайцы сохранили оскорбительную надпись у входа в сквер на набережной Вайтань: «Китайцам и собакам вход воспрещен».

«Отныне китайский народ поднялся с колен и распрямил плечи», – эти слова, сказанные Мао Цзэдуном с трибуны ворот Тяньаньмэнь в день рождения КНР, открыли новую главу в 5000-летней истории Поднебесной.

Минувшие годы можно условно поделить на три периода. Первое десятилетие прошло под девизом: «Русский с китайцем – братья навек!» Опираясь на собственный жизненный опыт, хочу подчеркнуть, что дружба наших государств отнюдь не сводилась в те годы к официальным заявлениям лидеров и газетным передовицам. Она была жизненной практикой, касалась реальных судеб десятков тысяч людей. После двух-трех лет работы в Китае советские специалисты возвращались на родину другими людьми, профессионалами более высокого класса.

Перенимали и совершенствовались

С другой стороны, китайцы не просто копировали наш опыт, как обычно принято считать. Кое в чем они сумели

усовершенствовать его. Благодаря этому им удалось избежать ряда перегибов и ошибок советской власти.

Во-первых, они провели кооперирование сельского хозяйства без ликвидации кулачества как класса. Это позволило сохранить наиболее рачительных хозяев, которые стали рычагами роста продуктивности сельского хозяйства.

Во-вторых, более гибко, без принудительной экспроприации, были проведены социалистические преобразования частной промышленности и торговли. Поставить на благо народа не только тот капитал, который предприниматель держит в кармане, но и тот, что находится у него в голове, — такова была цель создания государственно-частных предприятий. Бывшего владельца оставляли генеральным директором, лишь приставив к нему «комиссара» в виде секретаря парткома.

Такое отношение к национальной буржуазии увеличило симпатии к Пекину со стороны состоятельной китайской диаспоры. И впоследствии именно она стала главной финансовой опорой реформ. Если у нас к соотечественникам за рубежом относились настороженно, то ли как к белоэмигрантам, то ли как к диссидентам-невозвращенцам, то для пекинских властей «хуацяо», то есть заморские китайцы, всегда были желанными гостями.

Наконец, в-третьих, китайские коммунисты, в отличие от наших, избегали делать критерием благонадежности людей их социальное происхождение. Детей капиталистов, не гово-

ря уже о кулаках, принимали в комсомол, брали в военные училища. И это лишало их родителей стимулов сопротивляться победившей революции.

От догматизма к прагматизму

Но вот в истории КНР наступил второй, как бы противоположный этап – два десятилетия хаоса и смуты. Волюнтаризм «большого скачка», казарменный быт «народных коммун», самосуды хунвейбинов и даже бои на острове Даманский. Эти трагические страницы сменяли одна другую, пока во главе не встал Дэн Сяопин. Он сумел вытянуть Китай из губительного водоворота и твердо взять курс на реформы и открытость, то есть на модернизацию страны.

Этот новый подход к делу воплотился в крылатой фразе: «Неважно, какого цвета кошка – черного или белого, лишь бы она ловила мышей». Бессмысленно спорить, означает ли создание рыночной экономики поворот от социализма к капитализму. Важен конкретный результат реформ.

Они, по мнению Дэн Сяопина, имеют смысл лишь в том случае, если, во-первых, ведут к росту производства, во-вторых, повышают жизненный уровень народа, в-третьих, умножают совокупную мощь государства.

Разумеется, у каждой страны свои особенности, и всегда надо искать свой путь перехода к рынку. Но опыт Поднебесной дает основание отметить, по крайней мере, три поучи-

тельных элемента китайской формулы успеха.

Во-первых, начинать не с ломки политической системы, а с повышения эффективности экономики. Ибо в переходный период особенно нужна сильная центральная власть, располагающая надежными рычагами управления. Между наезженной колеей планового хозяйства и автострадой рыночной экономики лежит как бы участок бездорожья. И трудно проехать по ухабам, если перерубить рулевые тяги своей машины.

Китайцы, как и японцы, любят приводить тут такую метафору. Чтобы корабль рыночной экономики набрал скорость и взял верный курс, нужны не только паруса частного предпринимательства, но и штурвал государственного регулирования.

Во-вторых, начинать не с города, а с села, чтобы как можно скорее накормить и одеть народ, потеснить бедность, минимизировать социальную цену реформ, дать миллионам людей на себе ощутить конкретную пользу от них.

В-третьих, не форсировать приватизацию государственных предприятий, особенно естественных монополий, не допустить расхищения национального достояния, созданного коллективным трудом народа, а также природных богатств страны. Проще говоря, избегать пресловутой «прихватизации».

Вместо этого сделать упор на привлечение иностранного капитала, создавая специальные экономические зоны с

льготным режимом для инвесторов. Ведь иностранные предприятия не только создают новые рабочие места, но и повышают общий технологический уровень производства в стране.

Насущная задача – сократить разрыв в уровнях жизни процветающих приморских провинций и еще не выбравшейся из отсталости глубинки. А на эти провинции Центрального и Западного Китая приходится 89 процентов территории и 64 процента населения страны.

Три рубежа

Помимо трех упомянутых критериев целесообразности Дэн Сяопин наметил три стратегических рубежа осуществления реформ. Первый – за 80-е годы удвоить валовой внутренний продукт на душу населения, поднять его с 250 до 500 долларов.

Второй этап предусматривал за 90-е годы вновь удвоить ВВП. По общему объему товаров и услуг это сделать удалось. Но поскольку население страны с начала реформ увеличилось на 300 миллионов человек, показателя 1000 долларов на человека Китай достиг лишь в 2002 году.

Наконец, третий рубеж намечал к середине XXI века, то есть к столетию КНР, увеличить ВВП еще в четыре раза – до 4000 долларов на человека при полуторамиллиардном населении. Это позволило бы Китаю покончить не только с бед-

ностью, но и с отсталостью, выйти на уровень таких средне-развитых стран, как Португалия или Греция.

Как же движется Поднебесная к ориентирам, которые наметил патриарх реформ? Первые два удвоения ВВП были осуществлены в намеченные сроки. На третье потребовалось всего шесть лет. А к 2010 году ВВП на душу населения составил 4500 долларов. Так что четвертое удвоение налицо. А валовый внутренний продукт КНР уже перевалил за сумму, которую Дэн Сяопин мечтал достичь к столетию КНР.

Когда Дэн Сяопин начинал реформы, каждый четвертый китаец жил впроголодь и ходил если не в лохмотьях, то в заплатках. Ниже черты абсолютной бедности, которую в Китае определяли как доход менее 5 долларов в месяц, находились 250 миллионов из миллиарда жителей Поднебесной.

Ныне число их уменьшилось до 24 миллионов. Это уже не 25, а менее 2 процентов населения КНР. Даже ООН, отнюдь не балующая Пекин похвалами, назвала это беспрецедентной победой над нищетой в современной истории.

Словом, использование как парусов частного предпринимательства, так и штурвала государственного регулирования позволило Поднебесной не только совершить стремительный рывок к мировому лидерству, но и минимизировать социальную цену перехода к рыночной экономике. Вместо 250 миллионов бедняков в стране появилось 250 миллионов «новых китайцев», для которых символом благосостояния стал уже не велосипед, а автомобиль.

Как победить бедность

Покинуть земледелие, не уходя из села

В Поднебесной на душу населения приходится всего по десять соток пашни – втрое меньше среднемирового показателя. Имея лишь семь процентов мировой пашни, надо прокормить двадцать процентов человечества. Хорошо хоть, что Китай вступил в XXI век, доведя производство мяса до 55 миллионов тонн, а рыбы – до 28 миллионов тонн. Люди стали есть больше овощей и фруктов. Благодаря улучшению рациона каждому китайцу требуется уже не по 400, а по 350 килограммов зерна в год. Стало быть, для полуторамиллиардного населения нужно 525 миллионов тонн. Вот уже несколько лет сборы зерна в Китае превышают 500 миллионов тонн. Так что вышеназванная цель вполне достижима. Страна может прокормить себя.

Однако одно лишь полеводство не способно привести 700 миллионов китайских крестьян к зажиточной жизни. Только местное предпринимательство, или сельская индустрия, сможет поглотить избыток рабочих рук, обеспечить селянам занятость. И в то же время превратить главное богатство Китая – трудовые ресурсы в реальные товары и услуги.

В России пока еще в должной мере не оценен парази-

тельный феномен китайских реформ: сельская индустрия – так называемые поселково-волостные предприятия. А между тем этот новый, динамичный сектор экономики КНР дает более четверти промышленной продукции страны и пятую часть ее экспорта. Причем это увеличение производственного потенциала произошло не только без каких-либо государственных ассигнований, но и стало новым важным источником доходов бюджета.

Даже многие предприятия, производящие телевизоры или запчасти для автомашин, строят на дешевой сельской земле и оснащают оборудованием цехи в селах, дабы выпускать там наименее сложные и наиболее трудоемкие детали. А работа у современных станков очень привлекательна для сельской молодежи.

Если в прежние времена подсобные промыслы отвлекали людей от сельского хозяйства, то нынешний бум поселково-волостных предприятий стал опорой сельской экономики, главным источником средств для модернизации земледелия и животноводства, создания сельских школ, больниц, коренного улучшения крестьянского быта.

Что же в этом опыте может быть поучительным для России? Думаю, что прежде всего это глубокая переработка сельскохозяйственной продукции на месте. Это производственная интеграция сельских предприятий с городскими. А самое главное – расширение возможностей для трудоустройства в малых городах и поселках.

До недавних пор считалось, что на селе живут девятьсот миллионов китайцев, в городах – четыреста миллионов. Но процесс индустриализации и урбанизации изменил это соотношение. Теперь в официальных документах говорится о семистах миллионов крестьян и шестистах миллионов горожан.

Средний годовой доход сельского жителя составляет 600 долларов, горожанина – 1800 долларов. Этим трехкратным разрывом дело не ограничивается. Еще больше отстают в деревне социальные условия: образование и здравоохранение, транспорт и энергетика.

Поэтому Пекин пошел на небывалый шаг за 26 веков истории Поднебесной: полностью отменен сельскохозяйственный налог. А ведь подати с хлеборобов традиционно служили главным источником пополнения казны. Именно для доставки этого зерна в столицу некогда был прорыт Великий китайский канал.

Резко увеличены бюджетные ассигнования на поддержку сельского хозяйства и улучшение социальных условий жизни селян. Гарантируются оптимальные цены на закупку риса и пшеницы. Принята программа: к 2020 году проложить 300 тысяч километров сельских автомобильных дорог.

Выделяются средства на снабжение населенных пунктов в глубинке доброкачественной питьевой водой. Доступ к ней дополнительно получили 32 миллиона крестьян. Более 20 миллиардов долларов выделено на переход сельских школ к

девятиклассному образованию. От этого выиграли практически все крестьянские семьи, насчитывающие 150 миллионов школьников.

Последние очаги бедности разбросаны в самых труднодоступных местах Поднебесной. Налицо как бы заколдованный круг. Нет дорог, нет электричества, нет школ, чтобы хоть молодое поколение вырвалось из двойных тисков нищеты и невежества.

Проект «Надежда»

Бедные уезды – это одновременно и зоны неграмотности. Из 170 миллионов неграмотных китайцев 150 миллионов составляет сельская беднота. Это, прежде всего, женщины среднего и пожилого возраста. Треть из них вообще никогда не ходили в школу. Остальные в 50-х годах посещали курсы ликбеза, но все забыли. А ведь без начального образования даже мелочной торговлей не займешься!

Поставлена цель: прежде всего ликвидировать неграмотность среди сельской молодежи и людей среднего возраста. Для искоренения абсолютной бедности необходимо добиться того, чтобы в каждой нуждающейся семье хотя бы один человек смог заниматься подсобными промыслами или трудиться на поселково-волостном предприятии.

Но не менее важно посадить за парты сельскую детвору, которой порой приходится бросать школу из-за материальных

трудностей. Ведь без грамотной молодежи у села нет будущего.

В 90-х годах Пекин начал осуществлять проект «Надежда». Эта благотворительная программа предназначена финансировать образование нуждающейся сельской детворы за счет добровольных пожертвований. На этот призыв откликнулись более ста миллионов горожан, тысячи заводских коллективов, сотни иностранных предпринимателей, ведущих дела в Китае.

Проект «Надежда» вернул за парты около трех миллионов крестьянских детей, позволил открыть в бедных уездах свыше трех тысяч новых школ и столько же отремонтировать, оказать материальную помощь энтузиастам-учителям, добровольно отправившимся в глубинку.

Огромный, во многом поучительный успех проекта «Надежда» объясняется его четкой адресностью. Каждый спонсор точно знает, куда и кому поступили его деньги. Пожертвовав 100 долларов, можно вернуть за парту подростка из бедной семьи, если в деревне нет начальной школы, а родители не в состоянии оплатить интернат. Тысячи долларов достаточно, чтобы год содержать учителя или укомплектовать библиотеку в сельской школе.

Всякий получатель благодарит конкретного человека или коллектив. Так завязывается переписка. Затем дело доходит до взаимных визитов и личного знакомства. Из таких поездок к своим подопечным дети приезжают повзрослевшими.

Причем трудно сказать, кому встречи с новыми друзьями приносят больше пользы. Когда избалованные «сникерсами» городские школьники узнают, что самым излюбленным лакомством для их сельских сверстников остаются кукурузные лепешки с кунжутом, они на многое начинают смотреть по-иному.

Проект «Надежда» не только дает культурно-экономический эффект, но и имеет несомненную морально-политическую ценность. Он помогает возродить дух социальной солидарности, который сплачивал китайское общество в годы первой пятилетки, но потускнел в условиях рыночных отношений.

А между тем феноменальный успех телесериала «Как закалялась сталь», сделавший Павла Корчагина кумиром современной китайской молодежи, показал, что нынешнее поколение так же тянется к романтике и самоотверженности, как в свое время их отцы и деды.

Полтора миллиарда «человеко-ртов»

Как прокормить пятую часть человечества, имея лишь 7 % мировой пашни, – самая сложная проблема для самой населенной страны мира

Проработав в Китае 11 лет, я глубоко прочувствовал самую главную, самую сложную и самую болезненную проблему для этой самой населенной страны мира.

Именно о ней напоминает даже лексика. К примеру, слово «население» обозначается иероглифами: «жэнь» (человек) и «коу» (рот). Стало быть вопрос: «Каково нынче население КНР?» – буквально звучит так: «Сколько в Китае человеко-ртов?»

Число едоков поистине животрепещущий вопрос для страны, которая должна прокормить пятую часть человечества, имея лишь 7 процентов мировой пашни. На каждого китайца приходится втрое меньше земли, чем на среднестатистического жителя Земли.

Другой пример из лексики. Вместо слова «здравствуйте!», то есть пожелания здоровья, китайцам многие века служило выражение: «чифаньла ма?» («вы уже поели?»). Как бы

ссылка на главный в этой стране элемент благополучия.

Причем острота данной проблемы состоит не только в том, что «человеко-ртов» в Китае как нигде много, но и в том, сколь быстро растет их число. Лишь за последние полвека население КНР удвоилось. Если в 50-х годах я писал из Пекина о «600-миллионном китайском народе», то нынче Поднебесная насчитывает уже 1,3 млрд человек.

А ведь общая площадь пахотных земель составляет в Китае всего 130 млн гектаров, то есть по 10 соток на человека. Причем речь идет не о приусадебном участке, а обо всем зерновом клине. К тому же и этот клочок земли из года в год сжимается.

Происходит это по нескольким причинам.

1. Несмотря на то что более трех десятилетий жестко осуществляется лозунг «Одна семья – один ребенок», ежегодный прирост населения Поднебесной превышает 10 млн человек.

2. Индустриализация и рост городов изымают из сельскохозяйственного оборота по 1 млн гектаров ежегодно.

3. Позабывшие о голоде крестьяне сокращают посевы зерновых ради более доходных технических культур.

4. Треть посевов в Китае периодически страдают от засух и наводнений.

Сможет ли Поднебесная прокормить себя?

Самый впечатляющий итог китайских реформ состоит, на мой взгляд, в успешном искоренении нищеты. Если до 70-х годов в Китае недоедали 250 млн человек, или каждый четвертый, то нынче таковых остается лишь 26 млн, то есть не 25, а 2 % населения. Ну а самый важный показатель, конечно, – доля урожая, приходящаяся на каждый «человеко-рот».

Самый большой рывок в производстве зерна Китай совершил за первые пять лет реформ. Как только народные коммуны были распущены, а вместо них вступила в действие система семейного подряда на пользование землей, произошел небывалый всплеск производственной активности крестьян.

Благодаря добровольной интенсификации их труда ежегодные сборы зерна возросли с 300 до 400 млн тонн.

В 1985 году Китай произвел по 400 кг зерна на человека. Самое многонаселенное государство мира впервые в истории полностью обеспечило себя продовольствием.

Однако если первый стомиллионный рывок китайские хлеборобы совершили за пять лет, то на второй такой же (от 400 до 500 млн тонн зерна) оказалось мало и 15-ти. Перешагнуть за полмиллиарда тонн удалось лишь на рубеже XXI века. Сможет ли Китай в перспективе стабильно обеспечи-

вать себя зерном? Если в 2050 году в стране будет 1,5 млрд жителей, при расчете по 400 кг зерна на «человеко-рот», его потребуется 600 млн тонн.

Улучшать рацион за счет «приварка»

Китайцам издавна привычно делить свой рацион на «фань» и «цай» – аналог нашим старинным понятиям «харч» и «приварок». «Фань» – это, примерно говоря, то же, что у нас хлеб. Причем у китайцев это не только выпечка, но и рис, лапша, другие изделия из зерна. А «цай» – это мясные, овощные и другие блюда, которые у нас считались бы «приварком».

Суть в том, что, если окажется нереальным производить по 600 кг зерна на каждый «человеко-рот», нужно увеличить потребление мяса, яиц, рыбы, овощей и фруктов.

Разумеется, сломать многовековые традиции будет нелегко. Обычно китайский рабочий или крестьянин завершает ужин после трудового дня тремя-четырьмя пиалами отварного риса. Однако мужчины, занятые умственным трудом, и городские женщины обычно ограничиваются одной-двумя пиалами.

При этом почти священное отношение к отварному рису выражается и в том, что лопаточку для его раскладывания называют «жезлом хозяйки дома». Когда свекровь в преклонном возрасте передает эту лопаточку невестке, та офи-

циально становится хозяйкой дома, распорядителем семейного бюджета.

Словом, перенося упор с «фань» на «цай», китайцы в корне меняют продовольственную стратегию. Последние 15 лет стали переломными по потреблению мяса, яиц, рыбы. По производству мяса Китай вышел на первое место в мире. Он также лидер по повышению продуктивности животноводства. Согласно данным ООН, на долю КНР ныне приходится три четверти мирового прироста производства мяса.

Потребление мяса на каждого китайца достигло 42 кг, то есть превысило средний мировой уровень. За годы реформ количество мясопродуктов в рационе китайской семьи выросло втрое, а потребление яиц приблизилось к уровню развитых стран.

Однако Китай по-прежнему отстает от них по потреблению молока – всего 5 литров на душу населения в год. Главная причина – преобладание свиноводства над разведением крупного рогатого скота. А это, в свою очередь, объясняется нехваткой пастбищ и сенокосов.

Чтобы умножить поголовье дойных коров, увеличить долю говядины и баранины в производстве мяса, Китай активно развивает такую новую для себя отрасль, как кормопроизводство. По валовому производству комбикормов Китай вышел на третье место в мире.

В густонаселенном Китае на человека приходится втрое меньше пахотной земли, в девять раз меньше лесов, чем

на среднестатистического жителя планеты. Однако там существуют благоприятные условия для рыболовства и аквакультуры на прибрежном шельфе и во внутренних водоемах. Причем здесь достигнуты даже более впечатляющие результаты, чем в области животноводства.

Валовая продукция водных промыслов растет в КНР на 15 процентов в год. По своему экономическому эффекту аквакультура сравнялась с традиционным рыболовством. Причем искусственное разведение рыбы, креветок, крабов, водорослей предпочтительнее с экологической точки зрения, лучше обеспечивает сохранение и восполнение природных ресурсов.

Китай вступил в XXI век, доведя производство мяса до 55 млн тонн, яиц – до 18 млн тонн, рыбы и морепродуктов – до 28 млн тонн. Это четверть общемировых объемов. А поскольку китайцы составляют пятую часть человечества, это означает, что народ в достатке потребляет богатые протеином продукты. Библейское изречение «не хлебом единым» обрело актуальность в современном Китае. Ибо слова «не рисом единым» стали девизом продовольственной политики.

Китайцы действительно нынче стали потреблять больше мяса и рыбы, круглый год есть больше овощей и фруктов. Благодаря улучшению рациона каждому жителю Поднебесной теперь требуется уже не 400, а 350 кг зерна в год. То есть для 1,5-миллиардного населения, каким оно станет в сере-

дине XXI века, потребуется 525 млн тонн зерна. Ну а увеличить его сборы с нынешних 500 до 525 миллионов тонн – вполне решаемая задача.

Итак, на вопрос, сможет ли КНР прокормить 1,5 млрд «человеко-ртов», есть достаточно оснований ответить утвердительно.

В Китае – дефицит невест

Негативные последствия ограничения рождаемости

Число холостых мужчин в Китае на 20 млн превосходит число незамужних женщин. А к 2020 году дефицит невест. Поднебесной еще более обострится: их станет на 35 млн меньше, чем женихов.

Нормальным считается биологический баланс полов, когда на 100 женщин приходится 105 мужчин. Однако с 1980 года, когда под лозунгом «Одна семья – один ребенок» в Китае началась политика жесткого ограничения рождаемости, этот показатель пополз вверх. И после 2000 года держится на уровне 117–120. На предстоящую пятилетку поставлена задача: к 2016 году снизить показатель до 112.

Слово «народонаселение» обозначается в китайском языке двумя иероглифами «жэнь» (человек) и «коу» (рот). Количество едоков – жизненно важная проблема для самой многонаселенной в мире страны, которая должна прокормить пятую часть человечества, имея лишь пятнадцатую часть мировой пашни. Со времени провозглашения КНР число ее жителей более чем удвоилось. Если в 50-х годах я писал из Пекина о «600-миллионном китайском народе», то

нынче его численность превышает 1,3 млрд человек. Средняя продолжительность жизни китайцев за это время увеличилась с 35 до 70 лет, а растущее число человеко-ртов во многом сводит на нет результаты социально-экономического развития страны.

В Китае засеивается всего 130 млн гектаров, то есть по 10 соток на человека. Урбанизация изымает из сельхозоборота почти по миллиону гектаров ежегодно. Позабывшие о голоде крестьяне сокращают посевы зерновых ради более доходных технических культур. Значительная часть посевных площадей страдает от стихийных бедствий.

Цель лозунга «Одна семья – один ребенок» удержать численность населения КНР в пределах 1,5 млрд человек к 2050 году, когда, по расчетам демографов, рост должен прекратиться.

Решением этой нелегкой задачи занимается Госкомитет по планированию семьи, насчитывающий в своем штате несколько сотен тысяч человек. Он действует на правах министерства и имеет столь же разветвленный аппарат, как «Гунаньцзюй» (Управление общественной безопасности – аналог советского КГБ).

За демографические показатели персонально отвечает губернатор провинции и главы местных администраций. Так что без крутых, даже жестоких мер с их стороны дело не обходится. Против нарушителя лозунга «Одна семья – один ребенок» применяются как административные, так и экономические

ческие санкции. Работников государственных предприятий и учреждений могут уволить с работы, исключить из партии, лишить сверхпланового ребенка права на бесплатное образование и лечение.

Если у молодоженов родилась дочь – это не вызывает радости. Ведь по конфуцианской традиции именно сын должен обеспечить достойную старость отцу и матери. Дочь же после свадьбы становится членом семьи мужа и видит своих родителей лишь пару раз в год – по праздникам.

Хотя власти строго-настрого запретили ультразвуковые исследования с целью определить пол будущего ребенка, родители обращаются к частным врачам и прерывают беременность, если предстоит рождение девочки. Именно поэтому в Китае появился дефицит невест.

Стареет рабочая сила

Другое негативное последствие ограничения рождаемости – не только замедление роста населения, но и перемены возрастного состава рабочей силы.

Если прежде средняя статистическая китайка рожала трижды в жизни, то теперь этот коэффициент снизился до 1,7. Тогда как для простого воспроизводства он должен быть не ниже 2,1.

За три с лишним десятилетия осуществления лозунга «Одна семья – один ребенок» предотвращено рождение

400 млн младенцев. Стало быть, население КНР уже нынче могло бы составлять не 1,3, а 1,7 млрд человек. В то же время уменьшение числа младенцев негативно сказывается на возрастной структуре трудоспособного населения.

За годы бурного экономического роста 1980–2005 годов количество китайцев в возрасте 15–65 лет ежегодно увеличивалось на 2 %. Нынче прирост свелся к нулю. А в каждом последующем поколении будет на 20 % людей трудоспособного возраста меньше, нежели в предыдущем.

Словом, ускоряется процесс старения рабочей силы.

В 1985 году труженики 15–30 лет составляли 47 %. Нынче – 34, а через 20 лет доля молодежи упадет до 26 % рабочей силы. Зато растет количество людей в возрасте 50–65 лет – не столь энергичных и менее образованных.

В итоге меняется соотношение работоспособного и престарелого населения. Нынче в Китае насчитывается 110 миллионов человек старше 65 лет. В 2035 году их будет 280 млн. Это будет непосильной нагрузкой для пенсионной системы.

Создалась парадоксальная ситуация, когда максимальное бремя должно лечь на поколение, минимально для этого подходящее: на «маленьких императоров», как окрестили китайцы эгоистичное племя своих единственных отпрысков.

Они не привыкли ни с кем делиться и тем более чем-либо жертвовать.

Таким образом, политика ограничения рождаемости существенно снизила рост населения. Однако породила це-

люю вереницу негативных побочных последствий: ускорилось старение рабочей силы, обостряется дефицит невест. А всякое превышение спроса над предложением неизбежно ведет к росту цены. Именно это и происходит с невестами в Поднебесной.

Повышается планка «прожиточного минимума» для молодоженов в представлении их родителей. Когда я работал в Китае в 50-х годах, символами благосостояния там считались термос, позволяющий в любое время напиток чаю, а также велосипед, существенно расширяющий возможности удачного трудоустройства.

Теперь же у жениха символом достатка считается собственный автомобиль и выкупленное в собственность жилье. Так что малоимущим горожанам все чаще приходится сватать себе невест на селе.

Между тем

Что же касается лозунга «Одна семья – один ребенок», то, как заявил глава Госкомитета по планированию семьи Чжан Вэйцзин, всем горожанам скоро будет официально разрешено иметь двоих детей (жители сел, где нет ни школ, ни медпунктов, делают это уже давно, не опасаясь, что их внеплановый ребенок будет лишен права на бесплатное образование и лечение).

Спрос – стимулятор роста

Китай остается мировым лидером по темпам экономического роста. Даже в разгар мирового кризиса ежегодный рост ВВП превышал восемь процентов, что позволило Китаю опередить Японию и выйти по экономическому потенциалу на второе место в мире после США.

Помню, что в 60-х годах, когда я работал в Токио и писал книгу «Ветка сакуры», излюбленной темой карикатур в местных газетах были два бегуна: тучный, задыхающийся Дядя Сэм, которого обгоняет низкорослый, поджарый японец. Теперь же ясно, что роль мирового лидера у Америки отберет не Страна восходящего солнца, а Поднебесная.

Четыре удвоения

За годы реформ Китаю удалось четырежды удвоить валовой внутренний продукт на каждого жителя, то есть увеличить экономический потенциал страны в 16 раз. За это же время внешнеторговый оборот Китая увеличился стократно. По своей доле в мировой торговле Поднебесная опередила Страну восходящего солнца, которая в 60–80-х годах заполонила мир своими телевизорами и автомобилями.

Уместно напомнить, что именно творцы послевоенного японского чуда в свое время называли потребительский спрос

стимулятором экономического роста. Премьер-министр Икэда вошел в историю как автор инициативы, ставшей национальной идеей: за 60-е годы удвоить валовой внутренний продукт на каждого жителя Страны восходящего солнца. Решение этой задачи помогло Японии набрать темпы, чтобы за 60–80-е годы вырваться в тройку мировых лидеров вслед за США и СССР.

Ставку на внутренний потребительский спрос как на стимулятор экономического роста сделал и патриарх китайских реформ Дэн Сяопин.

Начинать не с города, а с села, чтобы прежде всего накормить народ, минимизировать социальную цену перехода к рынку.

Как уже отмечалось, Дэн Сяопин наметил четкий план модернизации страны. За 80-е годы удвоить валовой внутренний продукт на душу населения, поднять его с 250 до 500 долларов. За 90-е годы – вновь удвоить ВВП, довести его до 1000 долларов. А потом, к середине XXI века, то есть к 100-летию КНР, увеличить валовой внутренний продукт на человека еще в четыре раза – до 4000 долларов, или до нынешнего уровня благосостояния Греции и Португалии.

Выйти на намеченный Дэн Сяопином рубеж – 4000 долларов на человека, Поднебесная смогла задолго до 100-летия КНР (то есть до 2049 года). Таким образом, мечта патриарха реформ модернизировать страну, избавить ее от бедности и отсталости осуществляется досрочно.

После 30 лет реформ вместо 250 миллионов бедняков в Китае появилось примерно столько же «новых китайцев», то есть людей среднего достатка. В Поднебесной насчитывается 477 тысяч долларовых миллионеров. О победе над бедностью свидетельствует стремительная моторизация. Велосипедные реки на улицах китайских городов превратились в автомобильные. На рубеже нового тысячелетия в Поднебесной насчитывалось более 20 миллионов автомашин. Ныне же их стало вдесятеро больше.

Став лучше жить, самый многочисленный в мире народ стал больше покупать. Соседние государства опасались, что, став «мастерской мира», Китай завалит их своими товарами. Но произошло нечто иное. Словно гигантский пылесос, Китай впитывает львиную долю продаж из Восточной Азии. Именно китайский рынок обеспечивает львиную долю прироста экспорта Японии, Тайваня, Южной Кореи. Причем, в отличие от них, Китай гораздо меньше зависит от внешних рынков благодаря неуклонно растущему, поистине бездонному внутреннему потребительскому спросу.

Возможно ли подобие «потерянного десятилетия»?

Китай все заметнее играет роль локомотива, вытягивающего экономику планеты из глобального кризиса. Скоро он сможет опередить США и стать крупнейшей экономикой

мира. Ведь китайцы уже побили другой рекорд: обогнали немцев по объему экспорта. Они довели свою долю в мировой торговле до десяти процентов (в 80-х годах столько же имели японцы, однако нынче их показатель вдвое ниже).

Между тем западные скептики твердят, будто нынешний рост в Китае имеет зыбкую основу. Что, мол, экономическая ситуация напоминает Японию 90-х годов, когда лопнул мыльный пузырь спекуляций с недвижимостью, а послевоенное экономическое чудо завершилось для Страны восходящего солнца двумя десятилетиями затяжного спада.

Япония на моих глазах вырвалась в число мировых лидеров, бросив вызов двум сверхдержавам – Соединенным Штатам и Советскому Союзу. Все 80-е годы японцы ежегодно продавали на 100 миллиардов долларов больше, чем покупали.

Однако Япония не сумела использовать эту выручку ради постиндустриального периода. Хотя именно так поступили американцы, сделав ставку на информационные технологии (в результате чего, в частности, родился Интернет). Японцы же на свою беду предпочли спекулировать недвижимостью и ценными бумагами. Мыльный пузырь биржевых спекуляций в конце концов лопнул. Цены на недвижимость упали в несколько раз, акции обесценились, банки оказались под бременем безнадежных долгов.

Самые высокие темпы роста сменились «потерянным десятилетием», как жители Страны восходящего солнца про-

звали роковые для них 90-е годы. Да и прошедшие затем годы 2000-е тоже не смогли вернуть японской экономике былой динамизм.

На первый взгляд современный Китай и Япония 90-х кое в чем схожи. Однако западные эксперты игнорируют коренное различие этих соседних стран. Китайская экономика несравненно меньше, нежели японская, зависит от экспорта и гораздо больше – от неуклонно растущего внутреннего спроса. Ведь потребителей в Поднебесной в десять раз больше, чем в Стране восходящего солнца.

Важное преимущество Китая состоит в том, что бум недвижимости в Поднебесной основан не на банковских займах, а на личных сбережениях. Китайская семья привыкла откладывать на черный день почти 30 процентов ежемесячного дохода. Это порождено слабостью системы социального обеспечения и здравоохранения. Благодаря личным сбережениям каждый четвертый китайский покупатель квартиры или дома предпочитает выплачивать всю стоимость сразу, а рассрочка в среднем не превышает половины суммы. Лишь примерно пятая часть строительства жилищ и офисов финансируется за счет банковских ссуд.

Инвестиции в инфраструктуру

Западные эксперты, предсказывающие Китаю подобие «потерянного десятилетия» Японии, считают также опасным

чрезмерное инвестирование, которое может породить избыток производственных мощностей. Однако почти три четверти средств, выделенных для противодействия кризису, предназначены в Китае для инвестирования в инфраструктуру.

Именно в кризисные годы в Поднебесной проложено 60 тысяч километров скоростных автострад. По их общей протяженности впереди остались только Соединенные Штаты. Поднебесная имеет шесть из десяти самых грандиозных в мире мостов, самую скоростную в мире железнодорожную линию, несколько ультрасовременных аэропортов.

С другой стороны, половина китайских сел до сих пор не имеют даже грунтовой дороги до ближайшего города. Хотя КНР занимает почти такую же территорию, как США, общая протяженность китайских дорог вчетверо меньше, чем американских.

Одним словом, пророчить Китаю подобие японского «потерянного десятилетия» нет оснований. Япония 90-х уже была развитой индустриальной державой, близкой Америке по валовому внутреннему продукту на душу населения. Если же поделить впечатляющие экономические показатели КНР на число ее жителей, окажется, что Китай находится не во главе, а в хвосте списка. Ибо ВВП на душу населения в Поднебесной примерно в десять раз меньше, чем в США или Японии. Однако именно это отставание означает, что потенциал роста у Поднебесной несравненно выше. Даже если по

каким-то причинам в китайской экономике вздуется и лопнет пресловутый пузырь, это не приведет к затяжной стагнации.

Электромобиль на автостраде

Примечательные черты моторизации Китая

Китай стал крупнейшим в мире автомобильным рынком. Даже в кризисном 2009 году он сумел продать местным потребителям 13 миллионов машин. Тогда как традиционный лидер автопрома – Соединенные Штаты – впервые оказались позади, продав у себя менее 10 миллионов. А год спустя в Поднебесной появилось уже 17 миллионов новых автовладельцев.

Даже рекордные показатели стремительной моторизации Японии (которая произошла в 60-х годах буквально на моих глазах) меркнут на фоне того, что демонстрирует нынче Китай. Ибо жители царства велосипедов не просто меняют двухколесный транспорт на четырехколесный. К новому словосочетанию «китаец за рулем» теперь порой уже можно добавить: «За рулем электромобиля на скоростной автостраде».

В официальных кругах Пекина заговорили о намерении за три года сделать Китай одним из крупнейших производителей электромобилей. Да и прогнозы ведущих автоконцер-

нов предсказывают, что, если цену удастся снизить втрое (то есть до 10 тысяч евро), годовая продажа электромобилей на мировом рынке может достичь полутора миллионов, из которых не менее двухсот тысяч придется на долю Китая.

Уже сейчас по китайским дорогам ездит более 10 тысяч машин с электрическим или гибридным двигателем. Рост их числа сдерживает нехватка станций для зарядки или замены аккумуляторов.

Первый китайский грузовик

Хорошо помню март 1953 года, когда мы с женой сошли с поезда Москва – Пекин. На привокзальной площади глазам открылась древняя городская стена с воротами Цяньмэнь. Мимо текла река велорикш и велосипедистов. В ней изредка проплывали автомашины, чаще всего советские «победы». На одной из них нас встретили коллеги из корпункта «Правды».

У всех наших соотечественников были китайские водители, ибо самим садиться за руль запрещалось. После победы революции в КНР был принят закон, по которому иностранец, сбивший китайца, должен был пожизненно выплачивать пособие не только ему, но и его детям до совершеннолетия. Единственным видом общественного транспорта в Пекине тогда были трехколесные велорикши. Но пользоваться ими нам тоже не разрешалось по морально-этическим соображе-

ниям.

В одной из первых корреспонденций из Пекина я писал о трех заветных мечтах тогдашнего китайского труженика. Первая – купить термос, чтобы можно было в любое время выпить чаю. Вторая – приобрести авторучку, чтобы все видели: перед ними человек грамотный.

Наконец, третья мечта – стать хозяином велосипеда, чтобы расширить возможности удачного трудоустройства.

Когда после семилетней работы в Пекине 50-х годов я вновь попал туда на четыре года в 90-х, в 12-миллионном городе было зарегистрировано 10 миллионов велосипедов. Когда микроавтобус агентства «Синьхуа» вез нас на работу в их бескрайнем потоке, я с тревогой думал, что же будет, когда китайцы начнут пересаживаться на автомобили?

И вот это время пришло. Вместо термоса, авторучки и велосипеда статус-символами состоятельного китайца ныне стало выкупленное в собственность жилье, туристическая поездка за рубеж и личная автомашина.

Вспоминаю, как летом 1956 года мне довелось присутствовать на пуске первого в Китае автомобильного завода в Чанчуне. Это было одно из 156 предприятий, которые сооружались с советской помощью, чтобы заложить основу индустриализации КНР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.